

УДК 2-1+929 Кант

И. КАНТ О РЕЛИГИИ,
ВЕРЕ, БОГЕ
И ЦЕРКВИ

В. Н. Белов*
Э. Р. Фахрудинова**

Произведен анализ ведущих понятий и положений философии религии Канта. Выводы сделаны на основе компаративистского анализа главных произведений немецкого философа, посвященных изложению философского учения о религии, а именно «Лекций о философском учении о религии» и «Религии в пределах только разума». Прослеживается как очевидная эволюция взглядов Канта на проблемы религии, так и последовательность и системность в изменении позиции немецкого философа по этим проблемам.

Опубликованные «Лекции» подтверждают тот факт, что немецкий философ никогда не полагал проблемы философии религии в качестве второстепенных.

При сравнении двух основных произведений по проблемам религии обращает на себя внимание различие объектов, которые формируют и всю логику рассуждений Канта. Если в «Лекциях» таковым выступает теология как научная дисциплина, занимающаяся познанием Бога, то в «Религии» этим объектом стал уже верующий человек со всеми своими склонностями и задатками, родовыми и индивидуальными характеристиками.

Как в своих «Критиках разума» Кант двигается от теоретической его составляющей к практической, так и в исследованиях религии он от теоретического значения идеи бога в «Лекциях» переходит к практическому смыслу таковой в «Религии». Бросается в глаза присутствие обширной части спекулятивных доказательств бытия бога в «Лекциях», которые полностью отсутствуют в «Религии».

Также в «Религии» по сравнению с «Лекциями» более очевидно подчеркивание ответственности человека за необходимость нравственного совершенствования. Хотя неверно было бы полагать, что в «Лекциях» присутствует иная позиция, нежели позиция самоответственности человека за свое моральное состояние и его развитие.

Ключевые слова: Кант, философия религии, вера, церковь, христианство, разум.

Поводом для обращения к указанной в заглавии тематике послужило появление перевода лекций Канта по филосо-

* Сочинский институт РУДН, 354348, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Куйбышева, 32.

** Саратовский государственный медицинский университет,

410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, 112.

Поступила в редакцию: 13.07.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2017-1-3

© Белов В. Н., Фахрудинова Э. Р., 2017

фии религии (Кант, 2016). Данное событие хотя и вполне ожидаемое, но от того не менее знаменательное. Такое долгое отсутствие русского перевода лекций можно было считать недоработкой современного отечественного кантоведения, которая, к счастью, устранена. Ведь кроме нескольких немецких изданий лекции Канта были переведены на английский, итальянский, французский, испанский и польский языки.

Следует выделить несколько моментов, которые делают появление русского перевода лекций Канта по философии религии чрезвычайно важными для современного состояния изучения кантовского наследия. Не говоря уже о том, что в достаточно плотный русскоязычный сегмент кантовских произведений вводится новый объемный текст, который, несомненно, станет центром притяжения для новых плодотворных исследований и дискуссий по истории кантовской трансцендентальной философии.

Прежде всего речь идет о том, что религиозно-философская проблематика не была для Канта маргинальной или стала разрабатываться им лишь в конце жизни: после того, как сложились три основные части его философской системы — теория познания, этика и эстетика. Автор перевода, примечаний и послесловия Л. Э. Крыштон убедительно доказала, что эти лекции Кант читал в зимнем семестре 1783/84 г., то есть спустя короткое время после опубликования «Критики чистого разума» (1781) и задолго до появления «Критики практического разума» (1788). Тем не менее в них многие темы, идеи и аргументы носят очевидные черты обеих этих «Критик». Поэтому можно смело утверждать, что Кант изначально мыслил системно и никогда не полагал проблемы философии религии в качестве второстепенных.

Второй момент, который публикация лекций делает очевидным и на что обращает внимание, — это эволюция взглядов Канта. С одной стороны, что же здесь такого, любой человек, живущий долго, испытывает различные влияния, проходит различные жизненные циклы, сталкивается с различными жизненными ситуациями, поэтому непременно не может миновать тенденцию смены мировоззренческих приоритетов, тех или иных ценностных ориентиров. С другой — с Кантом все выглядит гораздо сложнее, по меньшей мере, по двум основаниям. Во-первых, великий немецкий мыслитель никогда не предлагал свои мысли публике, предварительно не обдумав их глубоко и разносторонне. Вспомним хотя бы долгое молчание мэтра перед публикацией «Критики чистого разума». Во-вторых, та же системность мышления Канта обуславливает необходимость прослеживания эволюции его взглядов не по отдельным частям и фрагментам его философии, но диктует необходимость учитывать последствия тех или иных изменений для всех составляющих его философскую систему частей и отмечать характер изменений по всем этим частям и его философии в целом.

Третий момент, на который наталкивает публикация лекций Канта, — это внимание немецкого философа к метафизическим вопросам. Причем опять же данный аспект важности знакомства с текстом лекций не просто констатирует этот факт, но и проясняет некоторые неоднозначные позиции в оценках немецкого мыслителя, опровергая некоторые устоявшиеся суждения по поводу его взглядов. Прежде всего эти суждения касаются антиметафизичности кантовской позиции и связанной с этим абсолютистской дуализ-

ма в кантовской системе. И действительно, если отрицать возможности предельного философского вопрошания или даже ограничивать его возможности рамками субъективных мотивов, то теоретические и практические основания человеческой жизнедеятельности закономерно разводятся.

Особую остроту в данном аспекте приобретают проблемы связи или соотношения веры и знания, философии и религии, морали и Откровения. Простыми решения этих проблем у Канта назвать трудно, как и однозначными. Усилия немецкого мыслителя были направлены не на редукцию одного из этих членов оппозиции к другому и не на проведение четкой и нерушимой демаркационной линии между ними, но на выверенное согласие этих членов в единой системе человеческого опыта. Поэтому говорить об антиметафизическом настрое Канта и развенчании им тем бытия Бога, бессмертия души и высшего блага было бы слишком поверхностно и уже оттого неверно.

Опубликованные лекции и проведенный автором перевода сравнительный анализ позиции Канта по проблемам доказательства бытия Бога, существования бессмертия души и высшего блага с «Критикой чистого разума» и «Критикой практического разума» дают четкое представление о том, что метафизические проблемы всегда оставались в центре внимания немецкого философа.

И наконец, последнее — на основе опубликованного русского перевода лекций Канта по философии религии мы воочию убеждаемся в том, что у немецкого философа никогда не было цели что-то разоблачать или огульно отвергать. И по отношению к религии и вере он никогда не занимал менторскую позицию ученого мужа. Совсем наоборот, Кант стремился демистифицировать христианскую догматику, найти новые и более веские основания с целью доказательства истинности религиозного опыта для того, чтобы религия и церковь заняли подходящее им место в системе социальных связей¹.

Появление перевода лекций Канта дает возможность сравнить их содержание с основным произведением немецкого философа по данной теме, а именно с «Религией в пределах только разума». Тем более что автор перевода в послесловии провел очень интересные сравнения содержания лекций с двумя «Критиками» — это выглядит вполне оправдано, поскольку время появления лекций приходится как раз между опубликованием первой и второй «Критики» Канта — но оставил без внимания указанное сопоставление, которое, на наш взгляд, напрашивается как необходимое. Попытаемся дополнить издание перевода лекций, комментариев и послесловия переводчика таким компаративистским анализом теперь уже двух доступных на русском языке произведений Канта, посвященных философскому учению о религии.

Прежде всего обращает на себя внимание различие объектов, которые формируют и всю логику рассуждений немецкого философа. Если в «Лекциях» таковым выступает теология как научная дисциплина, занимающая-

¹ Следует указать на суждение самого Канта, который до конца своей жизни был уверен в том, что он «никогда не подрывал устои официальной религии страны», что же касается книги «Религия в пределах только разума», то поскольку в ней «не содержится возвеличивания Христианства», то ее автора «нельзя обвинить и в его умалении» (Кант, 1999, с. 204).

ся познанием Бога, то в «Религии» этим объектом является уже верующий человек со всеми своими склонностями и задатками, родовыми и индивидуальными характеристиками.

Тем не менее основной настрой Канта в его рассуждениях о религии сохраняется: мораль определяет религию, а не наоборот, отсюда разговор о религии имеет смысл только в рамках морали. «Поэтому, — заявляет Кант в "Лекциях", — познание Бога должно завершать мораль, а не определять сперва, является ли нечто для меня долгом или является нечто морально благим!» (Кант, 2016, с. 179). В «Религии» подобная последовательность, пожалуй, приобретает большую обоснованность. Если в «Лекциях» немецкий мыслитель принимает существование веры в Бога как данность, которая закреплена наличием существования теологии, то в «Религии» он исходит из единственной данности — человеческого разума. Поэтому наличие того, что превышает наш разум, согласно Канту, может появиться в разуме человека единственно только как идея. Идея высшего блага как объект морального действия неизбежно ведет к идее бога, как субъекта такого объекта. Почему такой объект рождает необходимость такого субъекта, Кант объясняет результатом, к которому он пришел в «Критике практического разума»: меру счастья, соразмерную выполненному долгу, может точно «отмерить и выделить» только совершенное и могущественное существо, каким мы может представить себе только бога.

Итак, ступени появления религии, согласно Канту, таковы: мораль → → конечная цель морали (высшее благо) → существо, которое способно реализовать это высшее благо в мире как соразмерность счастья человека исполненному им долгу, то есть бог. Но, повторим, поскольку речь здесь идет об одном реально существующем объекте, а именно человеческом разуме, то все, что его превышает, может быть только его идеей, но идеей не пустой и не фантастической, а только идеей, в практическом смысле значимой для существования морали и реализации моральных действий человеком.

Поэтому мораль ведет к религии, а не наоборот, поскольку «цель, которую ставят, уже предполагает нравственные принципы» (Кант, 1996, с. 264). Эта цель, в которой сочетаются целесообразность природы и целесообразность свободы, неизбежна для любого морально действующего существа.

В «Лекциях» также феномен наличия высшего существа и веры в него человека объясняется исключительно потребностью человеческого разума иметь точку отчета в своих определениях. Так рождается идея высшего совершенства, которая в морали, согласно Канту, приводит к идее высшего существа. Также в обоих произведениях сохраняется объяснение необходимости религии для морали в большей степени психологическими моментами уверенности в том, что моральные действия человека имеют сверхчеловеческое одобрение и поддержку.

Собственно, уже во Введении к «Лекциям» Кант предопределяет характер тех изменений в своих исследованиях религии, которые он и реализует в следующем своем большом произведении на эту тему. Сравнивая спекулятивный интерес к понятию бога в отношении к морали с практическим интересом к таковому, немецкий философ отмечает, что спекулятивный интерес «есть не что иное, как средство определенно представить себе то, что находится между максимумом и ничто». И тут же восклицает: «Но как же мал этот спекулятивный интерес по сравнению с практическим, где речь идет о том, чтобы сделать нас лучшими людьми, возвысить понятие

моральности и открыть нам глаза на понятия нашего морального поведения» (Кант, 2016, с. 16). Тем не менее Кант оправдывает потребность в познании бога тем, что это познание имеет отношение к религии, поскольку последняя «есть не что иное, как применение теологии к морали...» (Кант, 2016, с. 17)².

Последовательность и системность присущи кантовскому учению изначально, что становится особенно очевидным после выхода первой «Критики», что еще раз доказывают в отношении его подхода к феномену религии опубликованные «Лекции». Как в своих «Критиках разума» Кант движется от теоретической его составляющей к практической, так и в исследованиях религии он от теоретического значения идеи бога в «Лекциях» переходит к практическому смыслу таковой в «Религии». Бросается в глаза присутствие обширной части спекулятивных доказательств бытия бога в «Лекциях», которые полностью отсутствуют в «Религии». Кант показывает отчетливо и однозначно, что попытки теоретического рассмотрения основополагающей идеи религии, а именно идеи бога, идеи его существования не имеют большого смысла и не приводят к положительным результатам. Теоретическая значимость исследования религии в рамках спекулятивного интереса приближается к нулю, поэтому, отдав дань этому интересу в «Лекциях» и честно объявив результат, то есть почти полное отсутствие такового, немецкий философ в последующих своих работах (кроме «Религии» следует назвать еще «Спор факультетов», особенно его второй части первого раздела) сосредоточивается на практическом интересе в исследованиях этого феномена.

Второе (после перенесения акцента с теоретического на практический интерес), что отчетливо прослеживается в «Религии» по сравнению с «Лекциями», — это подчеркивание ответственности человека за необходимость нравственного совершенствования. Абсолютно неверно было бы полагать, что в «Лекциях» присутствует иная позиция, нежели позиция самоответственности человека за свое моральное состояние и его развитие. Однако та последовательность изложения, о которой уже сказано, а именно от бога к человеку, предложенная в «Лекциях», создает видимость неочевидности этой самоответственности. В частности, моральные свойства человека получают в них необходимую легитимность и поддержку в моральных свойствах бога, а совесть человека вообще объявляется заместителем бога на земле (Кант, 2016, с. 142). В «Религии» о моральных свойствах бога не сказа-

² Обращает на себя внимание самостоятельность в определении религии. Отталкиваясь от общепринятого понимания религии как связи, отношения, Кант вместо привычных членов такового — бога и человека — называет теологию и мораль. Окончательная формула понятия религии складывается у Канта в «Споре факультетов»: «Религия — это не совокупность определенных учений как божественных откровений (такая совокупность называется богословием), а совокупность всех наших обязанностей вообще как велений божьих (и субъективно — совокупность максимум соблюдения их, как таковых). Религия ничем не отличается от морали по своему содержанию, то есть объекту, ибо она касается долга вообще; ее отличие от морали лишь формальное, то есть религия есть законодательство разума, призванное придавать морали влияние на человеческую волю для исполнения человеком каждого его долга при помощи созданной самим разумом идеи бога. Но именно поэтому религия только одна; нет различных религий, есть лишь различные виды веры в божественное откровение...» (Кант, 1966, с. 334).

но ни слова, речь идет исключительно об угодных богу моральных свойствах человека. Причем никаких двусмысленностей или колебаний в оценке моральных характеристик человека, согласно Канту, быть не должно: человек может быть либо добрым, либо злым. Философ обосновывает свою позицию в отношении выбора ригористического подхода следующим образом: поступок человека объясняется его мотивом, который может детерминировать действие человека только тогда, когда этот самый мотив будет им принят в максиму, то есть станет общим правилом для поступков. Отсюда получается, что если моральный закон станет таким мотивом действий человека и будет им принят в максиму его поведения, то человек будет добрым, если же мотив, который противостоит моральному закону, отвергает его, станет для человека максимумом его поведения, то, соответственно, человек окажется злым.

Еще одним необходимым компонентом в характеристике человека в отношении к определению его поступков является образ мыслей. Его Кант полагает первым субъективным основанием принятия максим. И хотя, подчеркивает немецкий философ, образ мыслей мы можем считать врожденным, саму врожденность следует понимать не как освобождающую человека от ответственности за тот или иной его образ мыслей, но как приобретение этого образа мыслей не во времени.

Важным моментом в определении моральности человека становится у Канта различие задатков и склонностей. Согласно философу, задатки человека заложены в целях природы и поэтому размещаются в области закономерности и добра, склонности же не могут быть природными, поэтому они располагаются в сфере случайного и, соответственно, либо добра, либо зла. Здесь Кант задействует общепринятую логику рассуждений философов и богословов о характере присутствия в мире добра и зла. Добро принимается ими как начало субстанциальное, сущностное, происходящее от Бога, зло же — как начало несамостоятельное, как ущербность добра, следовательно несубстанциальное, несущностное.

Еще один интересный момент, появляющийся в рассуждениях Канта о различиях задатков и склонностей, — это обращение его к такому понятию, как сердце, которое может быть добрым или злым. С этого момента сердце, помимо разума, становится также ответственным за формирование доброго или злого существа человека³.

Особо ненавистен немецкому философу такой порок, как лицемерие, он оказывается у него наиболее злостным проявлением склонности человека ко злу, поскольку ведет к нечестности в отношении к себе самому. И если даже не ведет к порочным поступкам, уже сам образ мыслей возносить себя только за неследование пороку как исполнение своего долга в утверждении морального закона, согласно Канту, есть показатель извращенности сердца человека. Здесь можно продолжить кантовскую установку на предложение в целях более понятной логики его рассуждений аналогий для них из христианского вероучения и вспомнить известную притчу о мытаре и фарисее из Евангелия от Луки.

³ Здесь хотелось бы сослаться на интересную статью А.К. Судакова «Между верой сердца и благочестием разума: как Кант не стал философом Откровения», в которой автор отмечает две стратегии возможной интерпретации кантовского подхода к исследованию религии, одна из которых опирается на «религию разума», другая — «на религию сердца» (Судаков, 2009, с. 39–53).

Кроме лицемерия внутреннего, которое, по Канту, становится основной причиной укрепления склонности человека ко злу, немецкий философ обращается и к характеристике лицемерия внешнего, когда церковно-служители обрядовереие кладут в основу моральной веры (Кант, 1996, с. 406). В целом философ уверен, что искренность, или полную правдивость, следует требовать от каждого человека. Так, рассматривая такой аргумент прихода человека к религии, который в церковных кругах больше известен как пари Блеза Паскаля, а он называет максимумом безопасности, Кант считает, что при подобном образе мыслей верующий вступает в сделку со своей совестью, лицемерит, наносит ей оскорбление. Совесть же философ определяет как «сознание, являющееся долгом само по себе» (Кант, 1996, с. 410); или как «саму себя судящую моральную способность суждения» (Кант, 1996, с. 411).

Процветает, по убеждению философа, внутреннее лицемерие в современном ему обществе и в вопросах религиозного образования, когда «надежность памяти в ответах на составляющие эти предметы вопросы безотносительно к истинности исповедания (ни малейшей проверки которого не существует) уже сама по себе признается вполне достаточной, чтобы считать человека верующим, хотя бы он совершенно не понимал того, что он признает святым...» (Кант, 1996, с. 415).

О том значении, которое в вопросах религии Кант придает искренности, говорит тот факт, что философ для выражения своего отношения к этой черте человека использует восклицательный знак, очень редко встречающийся в его работах. Приходит на память почти аналогичное рассуждение с восклицательным знаком из «Критики практического разума», в котором Кант ведет речь о долге. Здесь же мы читаем: «О, искренность! Ты, Астрейя, улетела с земли на небо, и как же вновь совлечь тебя (основу совести, стало быть, и всякой внутренней религии) оттуда к нам?» (Кант, 1996, с. 414. Примеч.).

Каким же образом представляется Канту эта возможность человека обратиться к добру, то есть дать возможность своим первоначальным задаткам, добрым по определению, возобладать над склонностью ко злу? Философ полагает, что знать, каким образом злой человек становится добрым, выше наших познавательных способностей. Тем не менее и опять же в согласии с христианским вероучением он называет главным корнем злого начала в человеке — себялюбие, или, выражаясь христианским языком, гордыню. И все-таки Кант не уходит от ответа на поставленный самому себе вопрос и если и не говорит, каким образом происходит указанное преобразование, что происходит, он отчетливо обозначает: происходит революция в образе мыслей человека, то есть глубокое и стремительное изменение в его настрое и устремлении. «Новый человек», согласно Канту, создается «через некое возрождение», «как бы через новое творение», через «изменение в сердце» (Кант, 1996, с. 295). Как тут опять же не привести христианскую аналогию внезапного превращения Савла в Павла.

Если для образа мыслей, по Канту, в данном случае необходима революция, то для образа чувств требуется реформа, постепенность. Поэтому Кант считает, что следует обращать внимание прежде всего на это изменение образа мыслей, а не на изменение нравов, искоренение определенных пороков, что чаще всего и происходит. Каким образом это делать, немецкий философ напрямую не говорит, но отмечает необходимость как можно

чаще указывать человеку на его моральные задатки и предназначение. Трудно представить, конечно, насколько реально действенны такие методы, но предложить что-то иное в такой логике размышлений немецкого философа вряд ли кому удастся.

Собственно, разговор о боге и церкви Кант в «Религии» начинает только тогда, когда речь заходит о нравственном воспитании человека, о его самопреображении, о формировании «нового человека» и «доброго сердца». Здесь как раз, по замыслу немецкого философа, моральная вера, идея бога и истинная церковь могут помочь человеку в его стойкости в противостоянии дурным склонностям и в его уверенности в верности пути морального самосовершенствования. Именно исходя из такой позиции назначения религии Кант определяет и характеристики церкви, ее суть и роль в жизни человека и общества. А в обществе, по мнению немецкого философа, человек лишается спокойствия своего самодовольства и подвергается нападкам таких соблазнов, как зависть, стяжательство, властолюбие. Поэтому победа доброго принципа достижима «не иначе, как только посредством создания и распространения общества, устроенного согласно законам добродетели и для ее пользы, общества, создание которого, то есть вовлечение людей в его сферу, станет по побуждению разума задачей и долгом для всего рода человеческого» (Кант, 1996, с. 330).

Но в какой исторической и идеальной форме может быть представлена эта этическая общность? Кант не сомневается, что таковой может выступить только церковь как объединение народа, руководствующегося божественными заповедями.

Что же это за церковь, способная воплотить в себе идею народа божьего? Поскольку такой церкви нет и она может присутствовать в этом мире только как идея, то Кант предпочитает называть ее невидимой, или истинной, церковью. Среди основных признаков такой церкви он выделяет: всеобщность, чистоту, то есть объединение исключительно на основе морали, отношения как внутри церкви, так и вне нее строятся на основе принципа свободы и неизменяемости ее базовых принципов. Кант не признает в качестве модели устройства такой истинной церкви никакие варианты политических правлений, будь то монархический, аристократический или демократический. Ближе всего, по его мнению, из современных сообществ для построения истинной церкви подходит семья, как домашняя община.

В рассуждениях Канта о феномене веры мы вновь отмечаем, с одной стороны, признаки последовательности и системности его мышления, а с другой — признаки смещения акцентов с теоретического интереса в «Лекциях» на практический — в «Религии». Так, в «Лекциях» немецкий философ несколько страниц посвящает выяснению познавательного статуса веры, что полностью отсутствует в «Религии». Согласно Канту, вера — это не знание, даже вероятностное, поскольку для такового отсутствует какая-то гомогенность ввиду того, что помысленный объект, а именно бог, не принадлежит миру. Но не является вера и только мнением, поскольку опирается на объективно необходимый практический постулат, а не на субъективно необходимую гипотезу (Кант, 2016, с. 133–135).

В «Религии» Кант рассуждает уже об истинной и неистинной вере. Истинной, как нетрудно догадаться из предыдущих рассуждений немецкого философа, может быть только вера разума. Но и историческую, или церковную, веру вносить в разряд неистинных и фальшивых он не спешит. На

слабость человеческой природы философ списывает необходимость для обоснования истинной церкви привлечь и историческую веру, сферу реальной практической значимости которой он ограничивает Писанием. Церковная вера естественным образом должна предшествовать чистой религиозной вере, или вере разума, поэтому Кант всеми силами старается хоть что-то спасти от церковной веры. Он полагает, что таким фактом церковной веры может быть только Писание (поскольку, согласно Канту, все религии, не имеющие Писания, а основывающиеся только на предании, погибли вместе с государствами, в которых они были распространены), и соответственно библейское богословие может быть исторически оправдано и непротиворечиво определенным образом соотносено с верой разума.

Если церковная, или историческая, вера понимает свою роль как вспомогательную для возрастания чистой религиозной веры, то такую веру, по мнению Канта, тоже можно считать истинной.

Историческую веру, ориентированную на конечное торжество веры разума, немецкий философ называет также душеспасительной в отличие от веры богослужебной религии, в которой не мораль, но принуждение и покорность служат инструментом для объединения верующих. Вера, лишенная искренности, то есть основанная на иллюзорной надежде или страхе, которую Кант считает «притворной», не может быть опорой истинной религии (Кант, 1966, с. 341). Философ указывает на существование трех видов иллюзорных верований, которые, покидая границы разума, не могут иметь ни теоретического, ни практического значения — это вера в чудо, вера в тайны и вера в средства снискания благодати.

Наиболее спорным, пожалуй, моментом в практических рассуждениях Канта в «Религии» оказывается отнесение христианства к той церкви, которая изначально содержала зародыш веры разума. Правда, он не уточняет, какая именно христианская конфессия получает такую высокую его оценку, что тоже вполне объяснимо. Христианство в глазах Канта представит религией абсолютно противоположной иудаизму. Иудейская вера объявляется немецким философом состоящей из статутарных законов, нацеленных на построение государственной машины, и первоначально лишенной каких-либо моральных элементов. Последние, по его мнению, были привнесены в нее позже.

Христианство, по мысли немецкого философа, производит настоящую революцию в вероучении, когда Христос объявляет иудейство рабской верой в формулы и обряды и дает образец истинной моральной веры. Справедливости ради следует сказать и о том, что Кант ни в коей мере не стремится идеализировать историческое христианство. Он одинаково резко критикует как мистический фанатизм отшельничества на Востоке, так и политическую активность церкви на Западе, обличает такие факты церковной истории, как раскол единой христианской церкви и крестовые походы. И тем не менее философ убежден, что по своей сути христианство изначально призвано к учреждению чистой религиозной веры, а ее исторические отпадения от этого призвания является показателем известной склонности человеческой природы.

Высоко оценивает Кант и время Просвещения, которое дает ему уверенность в том, что развитие христианской религии происходит в направлении постепенной реализации ее предназначения стать истинной церковью, схемой невидимого царства божьего на земле. Немецкого философа

вдохновляют прежде всего два принципа, которые все больше прокладывают дорогу в делах веры и которые свидетельствуют о верном направлении исторического развития, избранного современным ему Просвещением: принцип осторожности в суждениях, касаемых откровения, и принцип, согласно которому человек должен стремиться быть достойным этого божественного откровения.

Список литературы

1. *Кант И.* Лекции о философском учении о религии (редакция К.Г.Л. Пелица) / пер., примеч. и послеслов. Л.Э. Крыштоп ; под ред. А.Н. Круглова. М., 2016.
2. *Кант И.* Религия в пределах только разума // Иммануил Кант. Трактаты. СПб., 1996. С. 259–424.
3. *Кант И.* Спор факультетов // Соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 257–347.
4. *Кант И.* Спор факультетов // Кантовский сборник. 1999. Вып. 21. С. 196–244.
5. *Судаков А.К.* Между верой сердца и благочестием разума: как Кант не стал философом Откровения // Кантовский сборник. 2009. №1. С. 39–53.

Об авторах

Владимир Николаевич Белов – доктор философских наук, профессор Российского университета дружбы народов, Москва, belovvn@rambler.ru

Эльмира Рэстэмовна Фахрудинова – кандидат философских наук, ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии Саратовского государственного медицинского университета, elmirafah@yandex.ru

I. KANT ON RELIGION, FAITH, GOD, AND CHURCH

V. Belov, E. Fakhrudinova

The article analyses the leading concepts and provisions of Kant's philosophy of religion. The findings are based on a comparative analysis of the German philosopher's major works on the philosophical doctrine of religion, namely Lectures on the philosophical doctrine of religion and Religion within the Boundaries of Mere Reason. The authors trace both the evolution of Kant's ideas on religion and the consistency and systematicity of changes in the philosopher's views.

The published Lectures confirm the fact that Kant never considered the problems of philosophy of religion as minor ones.

When comparing the two major works on religion, one cannot but notice the difference between objects constituting the logic of Kant's reasoning. In the Lectures, this object is theology as a scientific discipline concerned with knowledge of god, whereas, in Religion, it is believers with their predispositions and capacities, generic and individual characteristics.

Not unlike Critiques, where Kant moves from the theoretical to the practical, studies on religion proceed from the theoretical significance of the idea of God considered in the Lectures to the practical aspects of this idea addressed in the Religion. The Lectures contain a vast body of speculative evidence of the existence of God, which is completely absent in Religion.

Religion places a much stronger emphasis on the need for the moral perfection of human beings than the Lectures do. However, it would be wrong to assume that the Lectures present a position different from the responsibility of human beings for their own moral condition and its development.

Key words: Kant, philosophy of religion, faith, church, Christianity, reason.

References

1. Kant, I. 2016, *Lekzii o filosofskom uchenii o religii [Lectures on the philosophical doctrine of religion]* (editors K.G.L. Paliza) / Translation, notes and afterword by L. Krysh-top E. / ed. Kruglov. M.
2. Kant, I. 1996, *Religiya v predelach tolko razuma [Religion within the limits of the mind]*, in: Immanuel Kant. *Traktati [Treatises]*. SPb, s. 259–424.
3. Kant, I. 1966, *Spor fakul'tetov [The Contest of the Faculties]*, in: Kant I. *Soch. v 6 t. T. 6 [Writings: in 6 vol. Vol. 6]* M, s. 257–347.
4. Kant, I. 1999, *Spor fakul'tetov [The Contest of the Faculties]*. Publication, introduction and commentary by Professor L.A. Kalinnikov; per. s nem. I.D. Koptseva, in: *Kantovskiy sbornik [Kant collection]*. Kaliningrad, Vol. 21, s. 196–244.
5. Sudakov, A.K. 2009, *Meshdu veroy serdza i blagochestiem razuma: kak Kant ne stal filosofom Otkroveniya [Between the faith of heart and godliness of mind, as Kant was not a philosopher of Revelation]*, in: *Kantovskiy sbornik [Kant collection]*. No. 1, s. 39–53.

About the authors

Prof. Vladimir Belov, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, belovvn@rambler.ru

Dr Elmira Fahrudinova, Lecturer, Department of Philosophy, the Humanities, and Psychology, Saratov State Medical University, elmirafah@yandex.ru